

Окружающий мир потихоньку wpłyвает в фокус, и череда ощущений постепенно продирается к моему сознанию. Сначала я осознаю, что мне тепло и удобно, кроме хмельного тумана в голове и ноющих болей по всему телу. Лениво обсасываю эти мысли на протяжении неопределённого времени, пока ко мне, наконец, не просачивается приятный, но слишком стерильный аромат. До меня доходит, что я, скорее всего, нахожусь в каком-то больничном заведении. Пытаюсь открыть глаза, и резкий белый свет подтверждает мои догадки. Промаргиваюсь от слёз и пробую снова открыть глаза. Опять неудачно. Вскоре осознаю, что издаю стоны, и что кто-то разговаривает со мной.

— Уильям? — голос мягкий и знакомый, но кто такой Уильям?

— Кто? — спрашиваю я. Или, скорее, пытаюсь спросить. Звучит, наверное, как сиплый невнятный шорох воздуха в горле, а не вразумительный вопрос. Стараюсь ещё раз раскрыть глаза, и некие пятна прорастают сквозь набат головной боли.

— Уильям? — снова зовёт женщина, в этот раз склонившись надо мной. Я уже вижу белую кожу на овале лица с копной каштановых волос, свисающих прямо мне на лицо. Улавливаю их запах, и поток событий последних месяцев всплывает в памяти. От их тяжести у меня перехватывает дыхание. Мозг рассортировывает воспоминания почти мгновенно, наконец добравшись до событий второго задания.

Облизываю губы и болезненно сглатываю слюну, намереваясь смазать пересохшее горло.

— Гермiona? — умудряюсь наконец прокаркать, как раз перед тем как грива спутанных волос атакует моё лицо и пара рук влезает между моим телом и кроватью.

— Ох, Уильям, мы так за тебя беспокоились... — на мгновение она садится прямо, и детали собираются в знакомые черты лица. Волна облегчения затапливает меня, когда её блестящие глаза пылливо всматриваются в мои. — Ты... ты всё помнишь?

— Ф-флер?

Она расслабляется и выдыхает в облегчении, кладя голову мне на грудь и шепча ответ.

— Гриндилоу, целая стая. Но она справилась, Уильям. С ней всё хорошо. Ты сделал это — что бы ты там ни делал — ты смог. — Тут я вспоминаю, что Гарри в каноне частично их разогнал. Значит в этот раз Флер достался весь “экипаж”. С облегчением выдыхаю бессознательно задержанный мной воздух, и от этого закашливаюсь.

— Гарри?

— Я здесь, Уилл, — слышу его голос с другой стороны. — Я в порядке, без единой царапины даже. Приятное изменение, когда не я тут днями бока отлёживаю.

Издаю скрежещущий смешок, переходящий в кашель, пока Гермиона ворчит на него тихонько.

— Что... потом... было... — слова очень медленно вымучиваются из меня.

— Ш-ш, спокойно, Уильям, — мягко говорит Гермиона, прижатым пальчиком закрывая мне рот.
— Целители забрали тебя и Флер, а Гарри приплыл с её сестрой почти в то же самое время, как Седрик появился со спасённой Чо. Диггори использовал чары головного пузыря, Виктор — частичную самотрансфигурацию, хотя мне он признался, что старался сделать полную. Он прибыл с Дафной как раз после момента истечения времени.

— Расскажи ему, что произошло сразу после того, как он потерял сознание, — предлагает Гарри. Я, в отличие от Гермионы, не упускаю заинтересованность в его тоне.

— До тебя добрались сразу как ты... начал светиться. Это ... в-общем, все остановились как вкопанные. — Она кажется дёргается от воспоминаний. — Целители прибежали уже после того, как ты отключился и рухнул прямо на Флер.

— Ты упустила пару существенных моментов этой истории, Гермиона.

На этот раз она отлавливает выражение лица и замахивается на него, стараясь морально придавить взглядом.

— Он был здесь целых пять дней, а всё, о чём ты думаешь...

— ...чтобы он почувствовал себя лучше! Вот, Уильям, погляди. — Он раскрывает до того стратегически свёрнутый номер “Ежедневного Пророка” и показывает мою чёрно-белую колдографию, где я на мгновение объят пламенем, и тут же падаю прямо на грудь Флер. Моя память слегка размыта, но могу поклясться, свечение длилось гораздо дольше, чем на фото. С зажившими и почти незаметными ранами на шее и малозаметной кровью на чёрно-белом изображении, похоже всё на то, что мы просто спим. Спим с моей головой на её груди.

Опять мой смех терзает мои же уши скрипом.

— Проклятье... пропустил веселуху... — лёгкий автоматический шлепок Гермионы по груди — и приступ кашля.

— Блин, Гермиона. Парень тут уже пять дней, а хочешь его ещё дольше задержать. — Они обмениваются взглядами, и ухмылка Гарри не увядает. — Но ещё важнее, Уильям, что Гермиона оказалась там быстрее целителей. Она скатила тебя с Флер, проверила тебе пульс, наложила согревающие чары на Флер, а потом начала делать ей искусственное дыхание по-маггловски. Невилл говорит — она была неподражаема!

— Не знала я, — вспыхивает Гермиона, — не знала про заклинание, удаляющее воду из лёгких.

— Рот в рот? — я опять захожусь в кашле после очередного её шлепка по груди.

— Гермиона! Ты точно — “Никому не дам — сама прибью”, — заливается смехом Гарри.

Поражённая и уstraшённая собственной реакцией, она не знает, что сказать, но её выручает появившаяся на издаваемый нами шум мадам Помфри.

— Очнулись, мистер Лернер? Очень хорошо. А вы двое, идите отсюда. Можете сказать остальным.

— Извини, но ты дурак, — шепчет мне Гермиона и на прощанье сжимает запястье. — Мы вернёмся.

— Скоро увидимся, — Гарри также пожимает мне плечо.

— Остальные? — спрашиваю я мадам Помфри.

— О да, у вас тут побывала вереница посетителей, — её профессиональное недовольство таким вот положением дел у больного явно читается как на лице, так и в интонациях голоса. — Как вы себя ощущаете? Может память в чём-то отказывает?

— Болезненно ощущаю, почти всем телом, горло дерёт очень, — не голос, а настоящее карканье. — Но помню я всё.

— Очень хорошо, — с трудом избегаю смеха, ведь чисто из её и моих слов следует, что она довольна моим больным телом и дерущим горлом. — Вы опять заработали магическое истощение, мистер Лернер, — говорит она тоном МакГоннагал.

— Извините, — говорю, порка в этот раз лёгкая и чисто моральная.

Она переводит дыхание.

— Я бы предпочла, чтобы вы оставили лечение мисс Делакур нам, но, учитывая обстоятельства, вас можно на этот раз простить.

— С ней окей?

— Да, — хмурится на моё любопытство она. — Тем не менее хотелось бы, чтобы вы доставили её прямо к нам.

— Извините, но слишком я плох на метле, а пришлось быстро. Она выглядела... как...

— Всё нормально, мистер Лернер, — смягчает она интонации. — Всё завершилось благополучно, — она мягко похлопывает по моей руке, а потом возвращается к своей деловой манере. — Поскольку вы теперь в сознании, то вам необходимо принять эти вот два зелья — болеутоляющее и питательное. Попробуем вас немного покормить, хотя ожидаю, что вас вскорости прервут.

Питательное, как ни странно, было неплохим на вкус, но как только я, давась, проталкиваю в себя болеутоляющее, раздаётся уверенный стук в дверь за мгновение до того, как она открывается и в неё входит Гарри, ведя за собой семейство Делакур. Две младшие одеты в серо-синие мантии Шармбатона, хотя я полностью уверен, что Габриель ещё слишком юна для школы. На их матери обтягивающее платье чуть более светлого оттенка, закрывающее почти всю кожу, но оставляющее мало места для фантазий о её фигуре.

Моё воображение вряд ли настолько хорошо, как она сама а-натюрель. У неё такие же идеальные волосы, как у Флер, и вдобавок царственная манера держать себя. Чуть более вытянутое и более изящное лицо, чем у старшей дочери, без единой морщинки и пятнышка. При этом ощущение естественности, в отличие от кукольности облика многих звёзд моего мира.

Последним заходит патриарх в безупречно пошитой тёмно-синей, почти чёрной парадной одежде. Я слегка удивлён длинными и волнистыми тёмно-русыми волосами, вольно ниспадающими ему на плечи. Почему-то по виду его дочерей я ожидал, что он окажется чистым блондином. А вот его тёмно-синие глаза вполне соответствуют похожим у его жены и дочерей.

— Мерси, 'Арри, — говорит Флер зарумянившемуся гриффиндорцу, пока её родители идут к моей кровати.

— Месье, Лернер, — миссис Делакур наклоняется и целует меня в обе щёки. — Мне никогда не удастся выразить всю мою признательность за то, что вы сделали для моей дочери. — Щёки у меня горят, и не только от поцелуев. У этой женщины великолепное самообладание, и над своей аурой тоже, но это не отменяет того факта, что она — поразительно красивое создание.

— Я... гм...

— Уи, месье, — Делакур-старший пожимает мне руку. — Вы вместе с мистером Поттером оказали нашей семье величайшую услугу. Этот долг нам никогда не выплатить.

— У-уверен, что любой на моём месте поступил бы так же, — тихо говорю я, но по крайней мере голос мне уже не отказывает.

— Нон, месье, вы и мистер Поттер бросились спасти мою дочь совершенно без задней мысли, — по-доброму улыбается мне мать Флер.

— Даже быстрее меня, — добавляет мистер Делакур, и он явно недоволен собой за это. — Потрясающая реакция и очень впечатляющая магия.

— Благодарю за тёплые слова, — щёки горят, от похвалы тоже. Но мне удивительно, почему, видимо, никто больше не принял участия в спасении. У них что, не было никакого плана на случай непредвиденных обстоятельств с возможными ранениями? Ведь во время третьего задания они следили за красными искрами, как я знаю, но...

Мистер Делакур что-то говорит Флер по-французски, поразив её и заставив зарумяниться, пока она плавно несёт себя вплотную к моей кровати. Пусть это не особо интересно, но неужели это единственный знакомый ей способ ходьбы?

— Извини меня за бал, — опережаю я первое её слово.

Мои слова усиливают её румянец, и она бросает взгляд на родителей.

— Нон, месье, это йесть я, кто должна извиняться и благодарить за моё спасение. Послье наших столкновений, я не ожидала от вас подобного.

Мать ей быстро говорит что-то, что ещё сильнее смущает Флер, и она отвечает очень коротко. Я отметаю всё взмахом, а скорее попыткой взмахнуть дрожащей рукой.

— Мы начали не с той ноги, и это моя вина. — Пусть горло всё ещё болит, но говорить уже заметно легче. — А насчёт всего остального, это Гарри у нас присуще свойство “спасать людей”. Я, наверное, слегка подхватил от него.

Под всеобщим вниманием Гарри пунцовеет посильнее, чем Флер, но та опять возвращает свой взгляд на меня.

— Месье Лернер.

— Я бы предпочёл услышать из ваших уст Уильям, — и потише добавляю. — А ещё лучше было бы просто дружить.

Она легонько улыбается и присаживается на край моей кровати. Стараюсь не выказать реакции на касание моей руки весьма приятно крепкой частью её тела.

— Я бы тоже этого хотела, Уильям, и я настаиваю, чтобы меня звали Флер. Онни сказали мне, что ты делал и что лежал бьез сознания с тех пор здесь. Я должна вам свою жизнь. — Она наклоняется и целует меня в обе щёки. Я ощущаю только слабый намёк на давление вейловской ауры, как у её матери.

— У моей дочери долг жизни вам, месье Лернер, и я готов исполнить свою часть, чтобы помочь ей выплатить его, — формальным тоном заявляет мистер Делакур. — Если есть что-то действительно важное, что я могу сделать для вас, я призываю вас позволить мне погасить его.

Конвульсивно поглощенная мной слюна попадает не в то горло, и я судорожно прокашливаюсь. Я совершенно не осознавал, что вся эта бодяга с долгами жизни действительно существует в каноне. Считал, что это чистый фанфикшен с заимствованиями откуда-то типа Звёздных Войн или ещё какого-то мира.

— Мистер Делакур, я уверен, что это не... — я замолкаю, поняв, какой глупостью будет отвергнуть такую возможность. — ...На самом деле, я был бы не против личного встречи для обсуждения с вами. Только я, вы и Гарри с Гермионой. Мне нужна неделя для подготовки.

Его лицо выражает удивление и лёгкое подозрение, но он быстро обузывает их и снова улыбается.

— Конечно, месье Лернер. Вы желаете, чтобы Флер также присутствовала?

Голова уже не болит, так что это его предложение удаётся нормально обдумать. Она будет неспособна завершить третье задание, но после спасения будет там, где надо. Если отфильтровывающийся в моей голове план придёт в движение, будет весьма неплохо занять кого-то, кто должен мне жизнь в критический момент. Но... потеря иных возможностей этим не компенсируется. И я быстро выбрасываю идею из головы, отрицательно покрутив ею.

— Нет, в этом нет никакой необходимости.

Флер и её отец, оба хмурятся и обмениваются взглядами. Выглядят они как будто хотят что-то сказать. Жду некоторое время, но, очевидно, никакой инициативы объяснить с их стороны не ожидается.

— В чём дело? — не выдерживаю я.

— В-общем, гораздо лучше для... закрытия долга, если... она сделает, — запинаясь, объясняет её отец.

Смотрю на Гарри, а тот в ответ только пожимает плечами.

— Как бы то ни было, какие условия включает в себя этот долг? — оба они выглядят очень напряжённо после моего вопроса, поэтому я меняю тактику. — Ладно, проехали. Гарри, можешь обеспечить нам четверым приватность? Не обижайтесь, миссис и мисс Делакур младшая.

— Муффмато, — от голоса Гарри отец и дочь слегка дёргаются — они даже не заметили, как

палочка оказалась у Гарри в руке. А потом оба оглядываются, пытаются определить источник гудения.

— Спасибо, — кивком благодарю я его и перевожу взгляд на Делакур. — Если у нас есть тайны, при раскрытии которых мы окажемся в смертельной опасности, входит ли сохранение этих тайн в область действия долга жизни?

— Входит, — медленно и не очень уверенно кивает мистер Делакур, а ещё они оба выглядят слегка напуганно. Остаётся только удивляться теперь, зная о реальности долга жизни, не был ли в долгу Снейп перед Джеймсом Поттером? Но потом вспоминаю прочитанное, что он не узнал о направленности пророчества на Гарри до момента много позже выдачи им информации Волдеморту. Чёрт побери, и какие куски из этого относятся к канону?

— Не беспокойтесь, мистер Делакур, — успокаивающе говорит Гарри. Мне сейчас проблемно выразить голосом хоть какую эмоцию. — Если я не слишком ошибаюсь, но мне кажется ваша семья не в восторге от Волдеморта, правильно?

Лёгкое вздрагивание от имени почти сразу переходит в привкус злости.

— Ну конечно нет! — с жаром говорит Флер, явно ругаясь втихую по-французски и до своих слов, и после.

— Тогда, — улыбается ей Гарри. — Пока вы не желаете помогать этому существу, наши цели идут рука об руку довольно неплохо.

— Что ты имеешь в виду — йетому существу. Он же мёртв, нон? — спрашивает Флер.

— Сейчас больше никаких разговоров, — поднимает руки вверх Гарри. — Уильям просто хотел получить уверенность в сохранности наших секретов.

— Мы сохраним, — немедленно уверяет нас Флер.

— Моя жена тоже сохранит, — предлагает расширить состав мистер Делакур. — Она ощущает себя в неменьшей степени в долгу перед вами. И причин не любить идеи этого человека, или существа, как вы его называете, у неё немало.

— Кровь вейлы не позволяет, — улыбаюсь я.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает захваченная врасплох Флер, а Гарри издаёт нечто среднее между искажённым фырканием и милым хрюканьем.

— Удачи вам с попытками выбить из него ответы, — тут он что-то бормочет под нос, а потом

продолжает уже громче. — Думаю, нормально, если она присоединиться к нам, Уильям. Но ни в коем случае не Габриэль.

— Нет, — мы, трое, говорим одновременно, только с разной степенью горячности.

— Очень хорошо, — и Гарри снимает чары. И опять Флер с отцом оглядываются, на этот раз от пропадания гудения. — Извините, миссис Делакур, Габриэль. Мы уже закончили.

— Вы двое демонстрируете весьма интересную для вашего возраста магию, мсье Поттер, — вступает в разговор мать семейства. В её, как и ранее глубоко страстном голосе, появляются ноты твёрдости, возможно, от беспокойства и подозрений.

— Апполин, мессеры Лернер и Поттер попросили, чтобы ты присоединилась ко мне и Флер в будущем обсуждении, — быстро говорит отец. Улыбаюсь его умению путём маленькой оправданной лжи устранить возможную обиду с её стороны. Она поражённо моргает, неуверенно кивает, а её муж продолжает: — Где и когда мы встречаемся?

— У нас Хогсмидовский выходной в эту субботу, — предлагает Гарри.

— Хорошо, — кивает мистер Делакур. — Это позволяет мне и Апполин уйти с территории школы и не опасаться препятствий при возвращении. Времени достаточно?

— Всё в порядке, — киваю я и улыбаюсь, надеюсь, что успокаивающе.

— Предлагаю “Три метлы”, — говорит Гарри. — Мы тогда могли бы пообедать около полудня и затем перейти в номер.

Миссис Делакур вопросительно смотрит при упоминании номера, но её муж кивает. Вежливый стук в дверь ускоряет наши прощания.

— Отлично, месье Поттер, месье Лернер, Это всё было весьма... неожиданно.

Делакур пожимает мне руку и делает жест Габриэль прощаться и уходить. Дверь открывается в момент, когда она обнимает меня и клюёт губками в щёки. Флер с матерью следуют её примеру, только вкладывают больше убедительности. И всё повторяется с Гарри, хотя от Габриэль он получает гораздо более душевные объятия и поцелуи. И так всё симпатично смотрится... вот и ещё одна бедная девочка, спасённая мальчиком-который-выжил и, может быть, влюбившаяся в него.

Новоприбывшие, впереди Гермиона, за ней МакГоннагал и Дамблдор, смиренно ждут своей очереди. Меня чуть на хихикс не разбирает от практически зеркального отражения выражений на лицах Гермионы и МакГоннагал, вплоть до степени сжатия губ, с которыми они наблюдают все эти обнимашки с целовашками. Дамблдор просто улыбается, а его глаза,

которыми он нас рассматривает поверх полумесяцев очков, весело блестя.

Делакуры на ходу обмениваются приветствиями со своей сменой, а меня радует их весьма тёплое отношение и к Гермионе тоже.

— Я рад, что нашёл вас в приятном расположении духа, мистер Лернер, — начинает Дамблдор.
— Должен сказать, что вы заставили нас поволноваться.

Тут нас всех удивляет наша декан редчайшим проявлением эмоций — она хлопает носом.

— Я ждала, когда вы очнётесь, чтобы сказать всем сразу. Меня нельзя упрекнуть в фаворитизме, но я никогда не была так горда своими львами, как вами тремя. Своими действиями вы продемонстрировали находчивость Слизерина, разумность Равенкло, верность Хаффлпафа, но должна признать, что храбрость Гриффиндора взяла верх, как на распределении. Если откровенно, факультетские очки — даже не приближаются к достойной награде любому из вас.

— Но как бы то ни было, я всё-таки наградил Гриффиндор сотней очков каждому из вас, — говорит Дамблдор, а Гарри — мне бы такую реакцию — вмиг успевает подхватить давшую слабину в коленях Гермиону. — Далее, все вы трое получите призы за выдающиеся услуги школе. Гарри, я не припомню, чтобы кто-то уже на четвёртом курсе получал две таких награды. Поздравляю. И последнее, по их настоятельной просьбе я помог Делакурам номинировать тебя, Гарри, и тебя, Уильям, на получение ордена Мерлина третьего класса у нас и Chevalier d'Orleans во французском Министерстве. Конечно, окончательное решение будет приниматься не здесь и не нами.

— Орлеанский рыцарь? — я практически “упал пац стол”. Думаю, я захрипел бы всё равно, независимо от лежания без сознания в течение пяти дней. И, спасибо видео играм за подготовку к этому моменту, я знал, кто такой chevalier. По большому счёту я не верю, что нам окажут такую честь всего лишь за спасение чьей-то дочери. Но...

— Действительно, мистер Лернер, — говорит Дамблдор, бросая взгляд на Гермиону, но та всё ещё в нокдауне, чтобы говорить. — Поскольку мисс Грейнджер так или иначе занята, я позволю себе экскурсию в историю. Очевидно награда близка по смыслу британскому ордену Мерлина. Французы переименовали его более пяти веков назад, когда Жанна д'Арк была награждена третьим из пяти RegiusEques. Магглы называли её LaPucelled'Orleans — Орлеанская Дева, но её магический титул — Grand-Croix d'Orleans, Орлеанский Большой Крест. Как орден Мерлина первого класса, даже выше. Первоначальным названием было RegiusEquesMerovingi, Королевские Рыцари Меровингов. Меровингским был только один из последних, а предыдущими награждал Карл Великий. По легендам именно Карл Великий приказал основать Шармбатон, но только при его последних потомках — Одо Безумном и его сестре Аделаиде — школа действительно была построена. И французское магическое общество начало отделяться от маггловского.

— Одо Безумный? — переспрашивает Гарри.

— Первый директор Шармбатона, — немедленно выдаёт справку достаточно очнувшись Гермiona.

— Характер у него был будь здоров, — улыбается Дамблдор. — Олимпия рассказывала мне, что по словам его портрета, прозвище он придумал себе сам. Его сестра оставалась на маггловской стороне для помощи в разделении, но, когда её замедленное старение стало слишком уж очевидным, ей пришлось покинуть мир магглов.

— А почему ему не присвоили Королевского Рыцаря? — спрашивает Гермiona. — Такая знаковая фигура, заложившая фундамент магического общества, несомненно заслужила эту честь. Пусть даже династия Каролингов прекратила существование и в это время уже правили Капетинги.

— Вы сами ответили на свой вопрос, — блеснул глазами Дамблдор на показ Гермioniой своих знаний. — Предполагаю, что они могли бы наградить посмертно, но, в отличие от Англии, они полностью отделились от маггловского правительства. Вплоть до Жанны д'Арк, оставившей Шармбатон, чтобы предложить свои услуги короне, когда отношения были восстановлены. Во Франции только маггловское правительство могло наградить Королевским Рыцарством, невзирая на факт, что это полностью магическая награда. В любом случае, простите старому человеку расползание мыслью по древу... не так часто мне приходилось в последнее время заниматься учительством. Вполне достаточно было бы сказать, что вы все трое представлены к очень почётному званию.

— А какое звание у вас, сэр? — спрашиваю я.

— Орлеанский командор за свой вклад в победу над Гриндевальдом, — сердечно улыбается директор. — Это наивысшая магическая награда для иностранца, на две ступени ниже наивысшей. Нынешний французский министр GrandOfficier, четвёртая ступень, а Николас и Перенель Фламели оба получили два последних GrandCroixза множество великих дел в течение долгого времени, включая наставничество самой Жанны д'Арк. Мадам Максим и дедушка Флер с материнской стороны являются Officier, вторая ступень, за достижения по включению полукровок гигантов и вейл во французское магическое сообщество. Гильом и Апполин Делакур оба Chevalier со времен первой войны с Волдемортом. Так что можете вообразить насколько высоки их ожидания в отношении дочери.

— Ты опять не по делу, Альбус, — без напряжения замечает МакГоннагал.

— Ох, дорогая, мои глубочайшие извинения. Я не собирался давать урок французской магической истории.

— Всё замечательно, профессор, — быстро говорит Гермiona под аккомпанемент моего и Гарри смеха.

— Если вы изымите на время соответствующие книги из библиотеки, мы были бы признательны за непотерю Гермiony для нас на неделю-другую, — подкалывает Гарри.

Гермиона притворяется на него сердитой, а я смеюсь. Ладно, расплатимся позже.

— На самом деле я хотел бы поговорить с вами о той магии, которую вы продемонстрировали на втором задании, — даже при переходе к серьёзному разговору директор умудряется сохранять весёлый тон. — Кажется, вы были с нами не совсем откровенны.

Сердце запинается, а от радости не остаётся и следа.

— Мы ни в чём вас не обвиняем, мистер Лернер, — тут же, увидев выражение моего лица, говорит МакГоннагал.

— Несомненно, — соглашается Дамблдор. — Сознаете вы или нет, но то, что вы сделали для мисс Делакур, показывает у вас способности к беспалочковой магии.

У меня совершенно непроизвольно открывается рот. Он не видел моей левитации девчонок! Может всё не так уж и плохо, как я себе тут навоображал...

Директор лишь усмехается на моё лицо.

— Да, эта способность обычно проявляется у очень сильных волшебников, и вы, как видно, понимаете насколько необычны ваши несомненные природные способности к управления этим даром.

— Но... но я даже не знаю, как я это сделал, — говорю правду, пусть и неполную, относящуюся к части после появления свечения. — Просто я ощущал... Не знаю... а потом я стал светиться...

— Всё в порядке, мой мальчик. Я и не ожидал, что вы делаете это осознанно. По правде я совершенно не буду удивлён, если вы не сможете намеренно сотворить подобное ещё несколько лет, даже специально занимаясь. Некоторые свидетели заявляют, что видели проявления беспалочковой магии в вашем исполнении ранее, но очевидно по вашей реакции, стоит отвергнуть эти доклады. — Тут я закашливаюсь, и уже сознательно продлеваю кашель подольше, чтобы скрыть свою внезапную бледность. Как я мог быть таким беспечным? Вежливо переждав мой кашель Дамблдор продолжает. — Я взял на себя смелость перенаправить всех ваших сов, и, если пожелаете, я могу продолжить это делать до вашего полного выздоровления. Вы и ваше состояния привлекли за эту неделю весьма большое количество заинтересованных посланий.

— Буду весьма вам благодарен, — морщусь я на это. — На данный момент предпочёл бы избегать любого внимания.

— Очень хорошо, мистер Лернер. Я продолжу, пока вы не измените ваше мнение. Возвращаясь к предыдущему вопросу, я не удивлён, что вы пользовались беспалочковой магией бессознательно. Даже самым могущественным волшебникам подчиняются очень немногие

подобные заклинания — призыв, отталкивание и ещё некоторые незначительные. Остальные гораздо сильнее получаются с палочкой.

— И это безусловно очень быстро исчерпывает вашу магию, — добавляет МакГоннагал. — Я бы не рекомендовала вам вообще пробовать до седьмого курса, не говорю уж о регулярных тренировках.

Потрясающее ощущение облегчения от того, что в очередной раз сумел уклониться от пули.

— Пожалуйста поверьте, что магическое истощение — не тот опыт, который хочется испытать ещё раз в здравом уме и твёрдой памяти.

— Очень хорошо, мистер Лернер, — заместитель директора возвращается к своему обычному состоянию. — Полагаю мы достаточно монополизировали вашего времени. Ещё несколько студентов желают повидаться с вами. Надеюсь увидеть вас на трансфигурации в четверг. Счастливого провести вам остаток дня, мисс Грейнджер, мистер Поттер. — С этими словами МакГоннагал выметает сама себя за дверь, где громко произносит: — Вы можете зайти, — тому, кто бы там ни ждал снаружи.

А директор усмехается.

— Кажется это сигнал и для меня. Доброго вам дня, и могу только ещё раз поздравить вас троих.

Похлопав Гарри по плечу, он поворачивается уходить, и тут же его едва не сбивает с ног Астория, вслед за которой следуют Дафна и Трейси.

— Уилл!

— Привет, Стори, — улыбаюсь я ей в ответ. Та запрыгивает на край кровати и тут же устраивается щекой у меня на груди, слегка поёрзав для пущего удобства.

— Просто отлучился спасти принцессу, так что ли? — скрещивает руки на груди Дафна. Но лёгкий изгиб губ рушит её строгий фасад. Мой собственный смешок напоминает выступление дуэта из простуженной вороны и сто лет назад заржавевшей двери.

— А ты вообразила, что я могу упустить поцелуйчики-обнимашки от шестой или седьмой в рейтинге симпатичнейших девушек в школе? — Гарри смеётся, Астория хихикает, а остальные стонут. — Я просто привыкаю к неминуемому будущему. Хорошо Гарри тут, а то я бы подумал, что умер и попал в элизиум.

— Эй!

— Не считай это наступанием на нелюбимую мозоль, Гарри, но где Колин со своим фотиком, когда он действительно нужен?

— Да уж, только Уильяму придёт в голову, едва очнувшись из комы, флиртовать сразу с четырьмя девушками одновременно, — качает головой и улыбается Дафна. Наконец-то она сбросила маску раздражённости. — Кажется, ты сразу пришёл в себя, к сожалению.

— Мне жаль, что я пропустил твоё спасение, Даф.

— После твоего спасения принцессы, было удивительно, что хоть кто-то обратил внимание на нас. Папа сказал, что половина репортёров смылись сразу, как только вас двоих забрали. А остальная половина была слишком занята расспросами всех подряд про тебя, чтобы заметить нас.

— Я ничего не рассказала им про твою магию, — тихо говорит Астория. — Папа тоже сказал, что не надо. — Я растекаюсь от облегчения и благодарю свою счастливую звезду и предусмотрительность мистера Гринграсса.

— Родители просили передать наилучшие пожелания, — продолжает Дафна. — Они даже пару дней оставались в Хогсмиде в надежде ещё раз поговорить с тобой, но потом им пришлось отправиться по делам.

— Это даже хорошо, что ты был в отключке, Уильям, — вступает в разговор Трейси. — В противном случае твои фотографии с Дафной тут же были бы...

— Ш-ш-ш! — слишком поздно прерывает её Гермиона. Трейси тут же краснеет, а остальные неуверенно отводят взгляды и переминаются.

— Что? — наконец спрашиваю я, не дождавшись ни от кого уточнений.

— О тебе написали громадную статью в “Еженедельной Молодой Ведьме”, — говорит Гарри — очевидно храбрый из пяти, явно подбирая слова. — Про то, как ты носишь Асторию на плечах, целуешь руку её матери, болтаешь с её отцом, обнимаешь Гермиону, что-то делаешь с её волосами, а потом спасаешь Флер.

Мигаю. А все остальные, похоже, задерживают дыхание.

— Вау! Для полного счастья мне нужны колдографии с тобой, Даф. И с Луной тоже.

— Уильям! — трёхголосый хор и в трёхрукий шлепок. А Гарри, видите ли, смешно.

— Завязывай, если хочешь к субботе на своих ногах выйти отсюда.

— Ах, любящие прикосновения — настоящая амброзия для меня, — у меня уже есть силы дотянуться и поперебирать пряди волос Астории.

— Я думала, ты про обнимания и поцелуи, — любопытствует наша штатная белка.

— А это нектар для меня, — с трудом приподняв голову целую Асторию в макушку.

— Такими темпами ты очень скоро встанешь, — Дафна снова шлёпает меня по руке. — Хватит целовать мою сестру.

— Ревнуешь, Даф? — хитренько так подкалывает её сестра.

От такой наглости у Гермiony перехватывает дыхание, а у Дафны — редкостное зрелище — грудь встречается с челюстью. Но последняя быстро приходит в себя, притворно изображает сердитость и осуществляет мстю — наваливается на младшую, щекоча её пальцами по рёбрам. Та, пытаясь избежать, задушенно вскрикивает, смеётся, дёргается и уворачивается от сестры, навалившись на меня в качестве опоры. И болезненно попадает мне коленкой по ноге.

— Ой! Коленки! Следи за коленками! Я помру от такой нежности!

— Хорошо, что тут нет Блейза, а то бы его физиономия сейчас спорила бы с твоей — у кого больше перекошена, — хихикает Трейси на развлечение сестёр и моё завидное положение. Слава богу, Дафна прекращает нападение, и мне удаётся перевести дух.

— А где он, кстати?

— Мадам Помфри запретила больше пяти посетителей за раз, — информирует Гермiona.

— Нам пришлось повоевать с Роном, Невиллом и Луной за право зайти первыми. Блейз там с ними остался, — Астория переползает через меня и сидит на другой от Дафны стороне постели.

— Было эпическое сражение щенячьих глаз между Асторией и Луной, — фыркает Трейси. — Мы победили просто потому, что Уизли и Лонгботтом испугались и сдались. Даже Блейз был готов отдать им всё, лишь бы его не трогали.

Я выкашливаю смешок, представив это всё.

— Могу вообразить. И ещё раз жаль, что Колина не было сфотографировать.

— Кстати о картинках. Что ты сделал, Уильям? — серьёзно спрашивает Дафна. — Что это за

свечение на твоих колдографиях?

— Не знаю, — смотрю на всех. — Я ощутил приближение истощения и жутко расстроился бесполезностью своих усилий. И тут, как будто что-то треснуло. Стало больно... чертовски больно. Помню свечение, зрение тут же выключилось...

Быстро понимаю, что замолк, задумавшись о разнице между моим ощущением и колдографией. Очнувшись, смотрю на встревоженные лица Гарри, Гермионы и Дафны, а вот лица Трейси и Астории полны благоговения.

— Почему ты это для неё сделал? — спрашивает Астория. — Я имею в виду, что могу понять, если бы ты спасал Гермиону или Дафну. Но почему её? — Дафна старается пронзить её взглядом, Гермиона вспыхивает, но Астория не обращает внимания. — Ты же мог умереть.

Морщусь — не могу же я сказать правду! Надо отвлекать.

— Я бы сделал это и для тебя, Стори, и для тебя, Трейси, и для Гарри, и для всех ожидающих снаружи. Ну, может быть не для мистера Забини. Ты же помнишь, я — гриффиндорец? Мы всё время занимаемся подобными глупостями.

Трейси фыркает, но Дафну провести не удаётся.

— Ты не ответил на вопрос.

— Он всегда так делает, когда старается что-то скрыть, — поясняет Гермиона.

— Тогда может так, как я сказал Делакурам? У Гарри есть черта — “спасать людей”, и он меня ею заразил.

— Может и не так, — немедленно говорит Дафна, и тут же получает подтверждающий кивок от Гермионы.

— Напомните мне никогда не позволять вас на пару загонять меня в угол. — Но эта парочка игнорирует мои слова. Вздыхаю. — Прекрасно. Правда в том, что я чувствовал бы себя виновным, если бы она... не выбралась. — Гляжу прямо в глаза Дафне.

— Но это же нелепо! — восклицает Гермиона.

— Зато правда, — на выдохе сбрасывает напряжение Дафна и качает головой. — Возможно, я слишком навоображала о тебе, Уильям. Это было действительно глупо.

— Возможно, но потом, если бы что случилось, а я знал, что спасти её было в моих силах, как бы я себя чувствовал? — смотрю на Гермionу. Интересно, смог ли я её одурачить? Вряд ли. Я умоляю её взглядом перестать, и, к счастью, она соглашается.

— Но ты же мог погибнуть, чёрт бы тебя подрал! — остальные шалеют от вспышки Дафны.

— Прости меня, Даф, — говорю ей тихо. — У меня уже дважды было магическое истощение, и я думал, что знаю свой безусловный предел... Я не ожидал светопреставления.

— У тебя уже было такое? — и как у Астории не исчерпался запас удивления?

— Просто магическое истощение, без свечения, — опять меня смущают.

— Каким же образом ты этого добивался? — строго спрашивает Дафна.

— Тренировкой, — слегка улыбаюсь, бросив взгляд на Гермionу.

— Скорее просто безголовостью, — фыркает Гермiona.

— Что я могу сказать? Это дар.

— Для тебя — возможно, — скрещивает руки на груди Дафна. — Для всех нас — скорее проклятье.

Похоже, она обиделась, глаза отводит. На помощь приходит Астория, похлопав меня по руке.

— Нам лучше пустить к тебе Луну, тебе нужна ещё одна порция амброзии.

— А мой нектар? — протягиваю руки к ней. Астория с удовольствием выполняет мою просьбу, поцеловав меня в обе щёки и обняв. Встав со своего края, она с ожиданием смотрит на сестру.

— Переставай мечтать, что получишь от меня поцелуй, Лернер, — присаживается она и тычет пальцем мне в грудь.

Пробую ответить, но Астория встревает быстрее.

— Но ты же хочешь ему добра, сестрёнка?

Та, скривившись, хмыкает, но не отвечает, а просто нагибается, кладёт мне голову на грудь и, скользнув ладошкой между моей рукой и телом, слегка прижимает меня. Не упускаю

возможность и её поцеловать в макушку, на что получаю лёгонький шлепок.

— Я не говорила, что ты можешь это сделать, — но звучат её слова не слишком убеждённо.

— Извини, — с тем же самым градусом искренности.

— Тебе больше не позволено делать что-то подобное — попадать в нокаут на целых пять дней, — она пусть и легко, но настойчиво вколачивает это мне тычками пальцев в грудь, перед тем как встать.

Поднимаю правую руку ладонью вперёд.

— Обещаю не делать ничего такого умышленно, пока не спрошу разрешения у тебя или Гермионы.

Она подозрительно смотрит на меня, но не оспаривает формулировку.

— Ты пообещал мне, — она разворачивается, подхватывает Асторию за руку и идёт к двери.

Трейси нагибается, легко обнимает меня, велит мне поправляться побыстрее и спешит вслед за сёстрами.

— Неудача, только один поцелуй из трёх, — сочувствует мне Гарри. — Бьюсь об заклад, если бы ты был понежнее с Дафной, то она бы тебя точно поцеловала.

Шлепок от Гермионы оказывается неожиданно звонким.

— Болван бесчувственный, — а затем она переводит становящийся задумчивым взгляд на меня, обнимает себя руками и смотрит вниз. — Она волнуется за тебя, Уильям. Может даже не меньше, чем я, — тихо, как будто для себя говорит она. — Если это было незаметно раньше, то теперь — очевидно.

— Мы — друзья, поэтому я тоже переживаю за неё. Но насколько...

— Я знаю... незачем говорить, — быстро прерывает она меня.

Мой глубокий вздох отчётливо слышен в тишине.

— Мучительно больно, когда тебя лишают выбора. Независимо, рассматривался ли он предварительно или нет.

Гарри с Гермионой сразу понимают, о чём я, и начинают изучать пол с кислым выражением лиц. Тут я перевожу взгляд на вход — интересно, что их там так задержало? Тут появляется Невилл, пропускает Луну с Роном вперёд и, зайдя сам, захлопывает дверь. Без всяких предисловий Луна присаживается на кровать, целует меня в щёку и прижимается к моей груди, глядя на Гарри с Гермионой.

— Привет, Уильям, Гарри. Гермиона. Всё в порядке?

Всё так неожиданно и так по-луновски, что, невзирая на болезненность только что обсуждаемого вопроса, я искренне смеюсь. Гарри тут же присоединяется ко мне. Гермиона улыбается и качает головой.

— Полагаю, вы с Асторией чуток поболтали?

— Да.

— Похоже, — поддерживает Гермиона лёгкий разговор, скрывая недавнюю печаль.

— Отлично, Луна, — говорю. — Вот так идеально, спасибо.

— Всегда пожалуйста, — слегка извиваясь, чтобы устроиться поудобнее после того, как мой смех потеснил её с начального положения. А вот мне было бы удобней, если бы она так не делала.

— Чёрт побери, приятель. Это была жуткая магия, — Рон расплывается в улыбке до ушей. — Мне напомнило ту штуку в начале года, за которую Гермиона тебя ненавидела.

— Я не ненавидела его, Рон, — в голос Гермионы возвращаются её обычные интонации.

— О чём это Рон говорил? — моя грудная клетка резонирует от её мелодичного голоса.

— Это фальшивое ритуальное заклинание, которое я изобрёл. При первом и последнем его использовании я вырубился от магического истощения. Второй раз. Может, я тебе покажу как-нибудь.

— Я не куплюсь на такой примитив, — надменно говорит Гермиона. — Ты пообещал не делать этого больше.

— Во всяком случае я согласился не повторять вырубавшую часть, — возражаю. — Всегда могу заменить луч сверхгорячей плазмы на дьявологонь.

— Уильям! Не смей даже думать о таком! — она старается ткнуть меня в плечо поубедительней. А мы с Гарри смеёмся над тем, как легко она переходит в режим “Гермиона возмущенная”. И как предсказуемо она не слишком высоко оценивает ни наше веселье, ни последующее взаимное подтрунивание.

<http://tl.rulate.ru/book/53673/1361921>